

Александр Грин

Телеграфист из Медянского бора

Александр Грин

Телеграфист из Медянского бора

«Public Domain»

1908

Грин А. С.

Телеграфист из Медянского бора / А. С. Грин — «Public Domain», 1908

«Произошло что-то странное; может быть сон, так похожий на жизнь, что все его мельчайшие подробности отчетливо рисовались в мозгу, полные грозного, сложного значения действительно совершившегося факта. Перед этим, до катастрофы, казался понятным и неизбежным момент острого, болезненного возбуждения тела и духа, переходящего все границы обычных человеческих волнений; момент бешеного упоения риском, экстатического порыва натянутых до последней крайности нервов, когда жизнь и смерть становятся пустыми, короткими словами без всякого смысла и значения...»

Содержание

I	5
II	7
III	8
IV	9
V	11
VI	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Степанович Грин

Телеграфист из Медянского бора

I

Произошло что-то странное; может быть сон, так похожий на жизнь, что все его мельчайшие подробности отчетливо рисовались в мозгу, полные грозного, сложного значения действительно совершившегося факта.

Перед этим, до катастрофы, казался понятным и неизбежным момент острого, болезненного возбуждения тела и духа, переходящего все границы обычных человеческих волнений; момент бешеного упоения риском, экстатического порыва натянутых до последней крайности нервов, когда жизнь и смерть становятся пустыми, короткими словами без всякого смысла и значения.

Но фантастичность свершившегося заключалась не в громадной дерзости и отваге людей, безуспешно пытавшихся выполнить свою отчаянную задачу, а в безмятежном затишьи летнего полудня. Он так же, как и раньше, как и сто лет назад, спокойно голубел над землей, шевеля пустынным ветерком лиловый багульник, розовые мальвы и сухие, поседевшие от жары травы. Так же, как и час назад, мирно ползли облака и задумчиво шевелились мохнатые вершины елей, изредка роняя вниз, на бурую хвою, маленькие сухие шишки. Едва смолкли последние выстрелы и, загрохотав, замер вдали поезд, как спугнутая тишина снова оцепенела над землей, полная монотонного циканья кузнечиков, лесных вздохов и тихих голосов птиц, порхавших на опушке.

И когда Петунников, слепо тыкаясь в кусты и задыхаясь от внезапного тоскливого изнеможения, упал в мягкую еловую поросль, отуманенный бешеным стуком крови и тяжелой сутолокой напряженных, остановившихся мыслей, ему показалось, что ничего не было. Так доверчиво и спокойно лежала кругом хвойная, освещенная редкими солнечными пятнами лесная глушь, что происшедшее несколько минут назад горело в исступленном от возбуждения мозгу отрывками только что виденного и до ужаса похожего на действительность сна.

А между тем то, что было – было, и несло с собой неумолимую, мгновенно развертывающуюся цепь последствий, которых, правда, можно и избежать при счастье и ловкости, но во власти которых мог, если не сейчас, то потом, оказаться Петунников. Впрочем, теперь он не думал об этом. Отдельные сцены нападения скачками, без мыслей, вспыхивали перед ним помимо воли, как нарисованные.

До самой последней минуты, несмотря на то, что в поезде их было одиннадцать вооруженных, заранее, по уговору, севших людей, несмотря на полное сознание близости решительного момента, не верилось, что задуманное наступит. Даже осторожно и почему-то очень бережно сжав задрожавшими пальцами пыльный, красный рычаг тормоза Вестингауза, Петунников подумал беглыми, темными задами мысли, что все это до ужаса просто и именно так быть не может. А как – он не знал; но странным казалось, что даже в этот момент отчаянного риска внимание работает будничным, обычным порядком, пристально отмечая вырытые, гнилые шпалы, скучный говор колес, окурки, подскакивающие на площадке, запыленные стекла, спокойный, убегающий лес...

И только на обрыве последнего мгновения, когда сверкая отполированной сталью рельс, выступило крутое, ровное закругление, когда холодная, слепая тяжесть начала давить грудь, и рука, вдруг ставшая чужой, безотчетно потянула вниз заскрипевший рычаг, и быстро натянулась и лопнула гнилая, замазанная краской бечевка, пронзительно и тоскливо взвизгнули тормозные колодки, прильнув на бегу к быстро вертящимся колесам, и, громыхнув буферами,

содрогнулись вагоны, как стадо степных лошадей, встретивших неожиданное препятствие, – тогда лишь звонкая, горячая волна хлынула в голову Петунникова, закричав тысячами резких, пьяных голосов, затопляя сознание лихорадочной быстротой ощущений и чувством действительной, полной бесповоротности.

И хотя над замершими вагонами сонно таяла голубая полуденная высь, а лес стоял зеленый и равнодушный к людям, оцепеневшим в страшной тревоге, воздух мгновенно стал звонким, хитрым и душным. Казалось Петунникову, что в нем самом бесследно растворилось и пропало его собственное тело, что мысли стали чужими и бешено торопливыми, как сухой, взвихренный ветром песок. Он прыгнул на откос насыпи и, шумно дыша, побежал вперед, крепко сжимая рукой теплую сталь револьвера.

II

Все, что произошло потом – результат горячих двухнедельных споров, раздражения, осторожных, тонких расчетов, надежд и сомнений – совершилось с какой-то потрясающей, нелепой быстротой, бестолково и страшно. Снаряд не разорвался: брошенный между колес, он тупо стукнулся о шпалу, перевернулся и лег в песок, как старая пустая коробка. Откуда-то по крутой, глинистой насыпи, спотыкаясь и размахивая руками, бежали неизвестные, разно одетые люди, врассыпную стреляя из револьверов в сторону желтого почтового вагона. Один из них, маленький и худой, с плоским растерянно-торопливым лицом, отделился и побежал навстречу Петунникову мелкими, неровными шагами, выкрикивая на ходу тонким, странно обрадованным голосом: «Ага... Ага...» и неумело стреляя из тяжелого казенного револьвера. Когда между ним и Петунниковым осталось всего восемь – десять шагов, молодой человек вытянул руку и нажал спуск, почти не целясь, но со странной уверенностью в том, что не промахнулся. Сыщик перестал кричать и пошел шагом, все тише и тише, потом сел, уперся руками в живот и взвизгнул тоскливым, ровным голосом.

Петунников остановился, с тупым удивлением рассматривая раненого, безотчетно оглянулся и снова изо всех сил побежал дальше, к голове поезда. Издали он узнал четверых с бледными, странно-чужими, озабоченными лицами; они стояли у площадки вагона и быстро, не двигаясь с места, словно делая какое-то страшно важное и спешное, но совершенно безопасное дело, стреляли в окна и на площадку. Сзади кто-то кричал бестолково и хрипло, эхо тревожно замирало в лесу. Из вагонных окон со звоном прыгали осколки стекла, и кто-то стрелял оттуда невидимый, мерно и ожесточенно разряжая револьвер.

Вдруг сзади неожиданно и сильно раздались выкрики:
– Сюда-а!.. Эге-ей!.. Эй!.. Солда-а-ты!..

Петунников обернулся назад и увидел бегущих товарищей. Они торопливо прыгали с насыпи, отчаянными и, как показалось Петунникову, страшно медленными движениями продираясь сквозь цепкую вересковую заросль опушки. Из задних вагонов бегло и дробно стукали винтовочные выстрелы.

Теперь весь поезд стонал и гудел, как озлобленный и шумный улей. Паровоз тяжело пыхал; белые, густые клубы дымного пара стлались по заросли. Петунников осмотрелся, стиснул зубы и, вдруг поняв, что все кончено, пустился бежать к лесу. За ним кто-то гнался, шумно, с топотом, треща сучьями и кустарником. Две-три пули провизжали над головой, но, не оставиваясь и не оглядываясь, прыгая через пни и валежины, охваченный внезапной тоскливой паникой, Петунников бежал так быстро, что жаркий, неподвижный воздух бил ему в грудь и лицо, как ветер.

Бежал он инстинктивно и прямо, без мысли и соображения, туда, где деревья казались темнее и гуще. Но лес все расступался и расступался перед ним бесконечной зеленой толпой, открывая новые поляны, ямы, заросли и валежины. От испуга и стремительного движения не хватало воздуха, дыхание вырывалось из груди хриплым, неровным шумом, и казалось, что лопнет сердце, не выдержав бешеного прилива крови. И была только одна мысль, одно желание – убежать как можно дальше от полотна. Временами казалось, что теперь опасность отдалена, что пора остановиться, прийти в себя. Но, как только он замедлял шаг, новый, слепой взрыв острого, нетерпимого страха болезненно встряхивал нервы и мускулы, толкая вперед. И снова, напрягая последние усилия, Петунников бросался дальше, как ошеломленный, затравленный зверь, пока не упал в мягкую хвойную поросль, бессильный, уничтоженный и разбитый, в состоянии, близком к обмороку.

III

Мысль о том, что, может быть, ничего не было, и все это – дикий, бессвязный кошмар, вместе с ясным и глубоким сознанием лесной тишины, была последняя. Настало полное тяжелое оцепенение, и Петунников, не шевелясь, чувствовал только свое измученное тело, лежащее навзничь в мягком сыром мху. Ныли и, казалось, всасывались землей разбитые мускулы, крупный горячий пот слепил глаза, быстрые огненные мухи сновали в воздухе. Кто-то ненасытно, хрипло дышал внутри его; неистово гомонило сердце, вздрагивая и наполняя лес огромными глухими толчками. Муравьи раздражали кожу, ползая по рукам и лицу, забираясь в рукава и за воротник, но не было сознания, что это муравьи и что можно стряхнуть их. Все тело от корней волос до натертых, горящих ступней беззвучно томилось жаждой полного, близкого к уничтожению и смерти покоя.

Прошло как будто и страшно много и страшно мало времени, когда Петунников, еще несколько раз глубоко вздохнув жадной, остывшей грудью, сообразил, где он лежит и почему. Страх прошел, канув в тишину лесного безлюдья, но еще оставались тревожная рассеянность мыслей и звонкое напряжение слуха, готовое схватить и сообразить малейший треск сучка, шорох падающей шишки, стук дятла. Маленькая, словно живой черно-серый орех, синица-гайка уселась над головой Петунникова, вопросительно свистнула тоненьким, мелодичным свистом и перепорхнула на соседнее дерево.

Он встал, слегка пошатываясь, с закружившейся от утомления головой, встряхнулся, поправил фуражку и тоскливо огляделся. Вокруг печально и угрюмо ширилось лесное молчание, мягкие отсветы меланхолично падали в чашу кустарника и тихо двигались меж деревьями по извилистым, узловатым корням, уходя дальше сквозь толпу мохнатых елей и лиственниц в зеленую, жуткую глубину. Срываясь, замирали в тенистом воздухе редкие жалобные крики птиц; где-то ворочался дятел, мерно и озабоченно стучая клювом.

И постепенно, усиливаясь и загораясь желанием идти, двигаться, предпринять что-нибудь, росло глухое, беспокойное раздражение, вызванное сознанием, что прежнее направление, определявшее сторону, где проходила железная дорога, утеряно им безвозвратно с того самого момента, когда он, обессиленный и полузадохшийся, упал в кусты. Как ни силился Петунников ориентироваться, выходило до нелепости очевидно, что железнодорожная линия идет со всех четырех сторон сразу и что вместе с тем ее нет. Идти наудачу было рискованно не только из-за опасности попасть к станции и обратить на себя внимание служащих, но и потому, что можно было удариться не поперек, а вдоль огромного леса и проплутать неопределенное время без всякой надежды избежать розысков и поимки. И все-таки, несмотря на всю неумолимую правильность этих соображений, ничего другого не оставалось, как просто... идти вперед.

IV

Долго и безостановочно шел Петунников большими, торопливыми шагами, со все возрастающим беспокойством, тщательно стараясь не уклониться от раз взятого направления. Шел он все прямо, через мочажины¹ и овраги, через огромные высохшие болота, усеянные частыми упругими кочками. Иногда кусты загораживали дорогу, и цепкие ветви больно задевали лицо. Вязкая лесная паутина садилась на вспотевшую кожу, как липкое, отвратительное насекомое. Небо стало туманнее и бледнее, глуше и сосредоточеннее возились невидимые птицы, и только тишина, глубокая, печальная тишина леса, навевая тревожные, неотступные мысли, не давала заметить Петунникову густых пряных испарений вечерющего дня.

На ходу он думал, отрывочно углубляясь в отдельные эпизоды событий, и ясным становилось ему, почему так сложно и хорошо обдуманное предприятие кончилось печальным, непредвиденным крахом. Еще там, в городе, перед тем, как сесть в поезд, стало известно, что на этот раз воинская охрана не сопровождает деньги и что отправляются они, по-видимому, без всяких особых мер предосторожности. Тогда это не показалось ни странным, ни удивительным; напротив, возбужденное состояние, в котором находились все, рисовало картины необычайной и красивой легкости ограбления.

Теперь же, вспоминая неизвестных людей, стрелявших на бегу в него и его товарищей, Петунников видел, как глупо они, увлекающиеся конспираторы, попали впросак. Очевидно, охрана, состоявшая из сыщиков или переодетых жандармов, сидела, как и они, в вагонах под видом пассажиров третьего класса. И даже смутно и неуверенно, как сквозь сон, Петунникову припомнились отрывистые, характерные звуки винтовочных выстрелов.

Точно ли не было солдат? А если их прятали, то с какой целью? Быть может, в надежде, что революционеры, введенные в обман, не станут взрывать вагона? Петунников вспомнил неудачный снаряд и криво усмехнулся. Но все-таки ясным и несомненным было то, что о готовящемся нападении или знали, или просто ожидали его ввиду большой, соблазнительной суммы денег.

Мысль о деньгах, однако, не вызвала у Петунникова ни сожаления, ни досады; слишком была велика ставка в этой игре, ставка собственной жизнью, чтобы ход, сыгранный вничью, по крайней мере для него, заставил пожалеть о возможном и потерянном выигрыше. Товарищи его, вероятно, пока тоже избегли преследования, хотя, почему так думается, он не знал. Возможно, что, раненный и арестованный, он думал бы наоборот, т. е. что и все ранены и арестованы. В сущности оставалось благодарить судьбу, что не кончилось хуже, но радости никакой не было, а была тревога, заброшенность и усталость.

Чем дальше шел он, тем сильнее росла уверенность, что он действительно заблудился и совершенно беспомощен. Ясно было одно, что до опушки далеко, так как деревья все время тянулись крупные, высокие, на свободном, ровном расстоянии друг от друга, а он знал, что опушка больших лесов – сплошная, дикая чаща. Полная неопределенность положения, незнание местности и мучительный вопрос «что же делать?» подгоняли его сильнее всяких соображений о риске. Он шел с лихорадочной быстротой, время от времени закуривая папиросу, чтобы отогнать комаров и возбудить разбитое, ослабевшее тело. Но по-прежнему утомительно и однообразно строгие, сумрачные деревья расступались перед ним, смыкаясь за его спиной зеленым, жутким молчанием. А когда, несмотря на огромное напряжение воли и решимости выбраться как можно скорее из этого глухого, дикого леса, острая, болезненная ломота в коленях и ступнях стала замедлять шаги Петунникова, в душу его проник маленький, одинокий страх, как струйка ночного холода в согретую постель спящего человека.

¹ Мочажины – топкое место.

Сумерки надвигались и плыли вверх, в резких изломах вершин, холодными, темнеющими клочьями вечернего неба. Внизу стало еще тише, еще тревожнее; деревья не рисовались, как днем, отчетливо, прямыми, стройными очертаниями, а сквозили и расплывались в сырой мгле черной массой стволов, окутанной темной громадой хвои. А он все шел, упрямо, механически шагая разбитыми ногами, с тяжелой, одурманенной головой, полной неясных шорохов и унылых вздохов огромного засыпающего леса.

V

Ночь настигла Петунникова неторопливо и равнодушно, властно и медленно, как всегда, погружая лесную равнину в глухой, смолистый мрак и сонную жуть. Когда стало совсем темно и идти наугад, ощупью значило уже совсем без толку кружиться на одном месте, Петунников остановился, ощупью сгреб несколько охапок валежника, зажег их и в мучительно сладком изнеможении сел на землю, радуясь смелому, беглому треску костра и дымному, трепетному огню. Бессознательный ночной страх, рожденный мраком и безмолвием, отодвинулся за угрюмые стволы елей и замер. Круг света, бросаваемый пламенем, то вспыхивал ярче и отгонял еще дальше черную пустоту ночи, то суживался, бледнел, и тогда казалось, что темная масса воздуха прыгает к Петунникову, стремясь поглотить раскаленные, горящие сучья.

Согнувшись и механически подбрасывая в огонь засохшие прутья, он думал о том, что выход из настоящего положения один: пробраться к заселенному месту, выяснить, где почтовый тракт, и двинуться пешком обратно в город. По его расчету до города не могло быть более ста пятидесяти верст, значит, через трое суток, если его не поймают, можно попасть к своим, отдохнуть и уехать. Идти он решил по ночам, а днем спать где-нибудь в канаве или кустах.

Проснулся и заворочался голод, но это не так беспокоило Петунникова, как тревожный, сосущий жар и слабость внутренностей вместе с дразнящим желанием холодной, чистой воды. Пытаясь обмануть себя, он стал размышлять о предстоящей дороге, но чувство, сознание и выраженное мыслью, настойчиво требовало удовлетворения. А когда он сорвал какой-то стебелек и начал жевать его, жадно глотая обильную слюну, им овладело уныние: мучительно хотелось пить...

Черная лесная жуть толпилась вокруг, вздыхала вершинами, прыгала по земле уродливыми тенями красного трепетного огня. Костер потрескивал и шипел, свертывая и мгновенно воспламеняя зеленую смолистую хвою. На ближайших стволах горели желтые отблески, гасли и загорались вновь. Все спало вокруг, сырое, мохнатое и немое. И казалось Петунникову, что только двое бодрствуют в уснувшей лесной равнине – он и дикое, дымное пламя ночного костра.

VI

Пятно солнца, медленно двигаясь по одеялу, прильнуло к смятой, пышной подушке, и от близости пыльного утреннего луча в лицах спящих людей неуловимо дрогнули светлые тени и сомкнутые ресницы. Дыхание стало неровным, зашевелились сонные губы, и казалось, что в свежем раннем воздухе натянулись невидимые, паутинно-тонкие струны, готовые проснуться и вздрогнуть звуками ленивых, полусонных человеческих голосов.

Пятно медленно, как часовая стрелка, передвигалось влево, коснулось бритого, загорелого подбородка, изогнулось, позолотило рыжеватые усы и протянуло от голубого сияющего неба к плотной скуле Григория Семеновича воздушную струю солнечной пыли. Варламов открыл один глаз, вздрогнув бровью, быстро зажмурился, потянул одеяло, проснулся и сразу увидел спальню, подушки, ширмы и крепко спящую, розовую от сна жену.

Варламов выспался, но сладко потягиваться всем крепким, сильно отдохнувшим за ночь телом было приятнее, чем вставать, одеваться и вообще начинать суетливый деловой день. Он лежал с минуту на спине, закинув большие волосатые руки под коротко остриженную голову, зевнул широко и сильно, с наслаждением разжимая челюсти, и посмотрел на жену искоса, не поворачивая головы. Она лежала так же, как и он, на спине; одна рука с согнутыми пальцами упиралась в щеку, другая пряталась под сбившимся голубым одеялом. Ее маленькие круглые плечи отчетливо рисовались здоровой, матовой кожей на смятой белизне подушки. С каждым вздохом спящей женщины медленно, едва заметно приподнималась и опускалась высокая грудь, небрежно опоясанная кружевным узором рубашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.